

Ярослав Северцев

**Чужое небо. Книга
3. Эхо Аргоса**

Ярослав Северцев

Чужое небо. Книга 3. Эхо Аргоса

«Автор»

2026

Северцев Я.

Чужое небо. Книга 3. Эхо Аргоса / Я. Северцев — «Автор», 2026

Продолжение Саги Чужое небо «Эхо Аргоса» — это история о том, как один человек держит два фронта: земной и космический. О том, что даже в самой кровавой войне есть место надежде. И о том, что домой можно вернуться, даже если он за триллионы километров. Важно для читателя: Книга не проходила профессиональную редактуру и публикуется в авторской редакции. Автор не претендует на историческую достоверность событий, дат, вооружения и тактики — это художественный вымысел, плод фантазии. Все совпадения с реальными историческими личностями и фактами случайны. Также в тексте используется звание «лейтенант» для главного героя, несмотря на его заслуги. Это не ошибка автора и не невнимательность. Это часть сюжета, и ответ на это несоответствие будет дан в финале серии.

© Северцев Я., 2026

© Автор, 2026

Ярослав Северцев

Чужое небо. Книга 3. Эхо Аргоса

Глава 1. Сигнал на орбите

Зал Совета Старейшин на уцелевшей орбитальной цитадели «Эгида-3» тонул в полумраке. Война за Господство, выжегшая цветущие сады Аргоса, оставила после себя лишь этот холодный свет тактических голограмм и тяжелое, как свинец, молчание высших офицеров.

На центральном проекторе медленно вращалась трехмерная схема разгрома у туманности Сварога. Тысяча дредноутов Империи, превращенных хоросами в серый пепел.

— Корреляция данных завершена, — сухой, лишенный эмоций голос оператора наведения нарушил тишину. — Потери невозвратны. Флот хоросов ушел в глубокий подпространственный прыжок для перегруппировки. У нас есть окно в тридцать циклов до их возвращения к цитадели.

Вперед шагнул адмирал Сеченов. Его парадный мундир был покрыт пятнами копоти, а левый имплант глаза барахлил, выдавая тонкую красную полосу на бледную щеку.

— Вызовите лог абордажной группы «Стикс», — глухо приказал он. — Я хочу знать, как погиб Ким. Он держал фланг до последнего.

Голограмма мигнула. Вместо карты сектора появилась телеметрическая диаграмма спасательных капсул бота. Пространство заполнили веера цифр.

— Внимание, — оператор увеличил масштаб одного из векторов. — Аварийный челнок командира звена Максима Кима. Фиксирую тепловой след торможения. Он вошел в атмосферу газового гиганта четвертого кольца.

По залу прошел тихий гул. Старейшины подались вперед. На экране развернулась синяя, покрытая облаками планета. На Аргосе ее знали только по каталогам дальней разведки как объект 44-Б.

— Планета заселена биологически идентичной расой, — доложил оператор, считывая архивные данные. — Название в местном радиодиапазоне — Земля. Уровень развития — ранний индустриальный. Энергетика на ископаемом топливе, примитивное нарезное оружие, отсутствие единого планетарного правительства. Общество расколото глобальным военным конфликтом. По всем расчетам, при падении с перегрузкой в девять единиц челнок должен был испариться.

— Должен был, — Сеченов прищурился, глядя на диаграмму. — Но «Крепость-V» Кима имела автономный блок ИБИ. ИБИ не дает своему носителю умереть, если есть хоть один шанс из миллиона. Посмотрите на плотность торфяных отложений в точке удара. Это мягкая посадка по меркам десанта. Он мог выжить.

Один из Старейшин, старик с бледным лицом, покачал головой:

— Адмирал, у нас каждая единица на счету. Флот Аргоса разбит. Зачем нам тратить ресурсы на спасение одного офицера на дикой, отсталой планете?

Сеченов резко повернулся к нему. Металлическая деталь его импланта злобно щелкнула.

— Потому что Максим Ким — это не просто офицер. Он нес в своем ИБИ шифровальные коды тактической сети «Омега». Если хоросы перехватят Землю и выжгут ее пеплом, они получат доступ к нашим резервным базам. И главное — Империя не бросает своих граждан. Даже на дне Вселенной.

Адмирал положил ладонь на пульт, активируя командный чип.

— Приказываю. Начать подготовку разведывательно-спасательной операции. Подготовить малый крейсер «Призрак» к одиночному прыжку через слепую зону. Режим полной маскировки. Мы вытащим Кима, чего бы нам это ни стоило.

Темнота отступила неохотно. В ушах Алексея Волкова стоял низкий, вибрирующий гул, который он сначала принял за гул двигателей «Стикса». Но реальность вернула его на Землю быстрее, чем остыл чай в его кружке.

Этот гул шел из леса. Настоящий, земной рокот тяжелых дизелей вермахта.

Алексей открыл глаза. Он по-прежнему сидел на ящике у стены ремонтных мастерских станции Лесная. Предраассветный туман висел над путями, скрывая очертания пакгауза. Вокруг пахло сырой землей, пороховой гарью вчерашней разведки боем и машинным маслом.

— Командир, — ИБИ ожил в голове мгновенно, выводя перед глазами сетку тактического анализа. — Вы спали ровно четырнадцать минут. Уровень кортизола снижен на 4 процента. Фиксирую акустические колебания на частоте 42 Герца. Дистанция до источника — 4,2 километра. Это не разведка. Это выдвижение основных сил.

— Сколько у нас времени? — мысленно спросил Алексей, поднимаясь. Колени привычно отозвались тупой болью — стимуляторы ИБИ уже начали перераспределять ресурсы, готовя тело к бою.

— Двенадцать-пятнадцать минут до визуального контакта с передовым дозором. Вероятный состав первой волны: до роты пехоты на бронетранспортерах, поддержка трех или четырех средних танков. Логинов завершил минирование насыпи. Бронемашина «Кулак» заправлена. Малахов на месте.

Алексей спрыгнул с крыльца мастерских и быстрым шагом пошел к позициям у путей. В тумане уже угадывался силуэт старшины Громова. Тот стоял у бруствера, сжимая в руках тяжелый «максим», и напряженно вглядывался в серую стену леса.

— Идут, товарищ лейтенант, — негромко, одними губами сказал Громов, не оборачиваясь. — Гудят, суки. Плотный гул, танковый.

— Вижу, старшина, — Алексей положил руку на холодный кожух пулемета. — Всем приготовиться. Сигнал прежний: без моей команды огонь не открывать. Пусть втянутся в проход.

Капитан Особого отдела, который всю ночь провел в здании вокзала, внезапно вынырнул из тумана за спиной Алексея. Его шинель была аккуратно застегнута, но лицо осунулось. В руке он сжимал ТТ.

— Лейтенант Волков, — тихо, но отчетливо произнес особист. — Немцы развернули артиллерию на той стороне реки. Мне доложили наблюдатели. Если они начнут бить по мастерским, ваш «Кулак» взлетит на воздух вместе с людьми. Вы уверены в своих расчетах?

Алексей повернулся к нему. Взгляд его серых глаз был абсолютно пустым и холодным — ИБИ в этот момент как раз отключал лишние эмоции, переводя мозг в боевой режим концентрации.

— На войне нет уверенности, товарищ капитан, — спокойно ответил Алексей. — Но если немецкая артиллерия начнет бить по мастерским, они будут бить по пустым коробкам. Мои люди уйдут в подвалы пакгауза по скрытым ходам через три минуты после первого залпа. А вы сейчас идите в укрытие. Мешать мне под огнем — это преступление похуже дезертирства.

Особист поджал губы, в его глазах снова мелькнуло это острое, подозрительное выражение, но он промолчал и медленно отступил назад, растворяясь в тумане.

— Дистанция — две тысячи метров, — доложил ИБИ, и на сетчатке Алексея первая темная точка, вышедшая из леса, окрасилась в тревожный красный цвет. — Начинаю расчет баллистических поправок для пулеметных расчетов.

Глава 2. Прямой левый

Первый прилет немецкого тяжелого миномета разорвал предрассветный туман ровно через девять минут после доклада ИБИ. Звук был характерным — противный, шипящий свист, перешедший в плотный, глухой удар. Мина легла точно между пакгаузом и водонапорной башней, подняв столб грязного фонтана из торфа и щебня.

Следом завывало по-настоящему. Немецкие батареи с той стороны реки начали методично, поквратно уютить территорию станции.

Координаты разрывов замелькали синими маркерами ИБИ в голове Алексея, накладываясь на реальную картину боя. Накрытие шло плотное. Основной вектор огня был направлен на ремонтные мастерские и железнодорожную насыпь. Вероятность уничтожения открытых целей в этой зоне составляла 84 процента.

— Всем в укрытия! — зычный, сорванный голос старшины Громова перекрыл грохот очередного взрыва. — Не высовываться! Кравцов, держи своих в подвале, пока не стихнет!

Алексей лежал за бруствером у запасного пути, чувствуя, как земля под животом дрожит и дыбится от каждого удара. Осколки со звенящим писком срезали ветки кустарника над его головой. Но страха не было. ИБИ полностью заблокировал лишний адреналин, оставив только сухую, звенящую концентрацию.

Все шло точно по его расчетам. Немецкие артиллеристы били по стандартной схеме — уничтожали явные узлы сопротивления перед броском пехоты. Вот только людей в мастерских уже не было. Еще за пять минут до первого залпа штурмовая группа рассредоточилась по замаскированным ячейкам и подвалам пакгауза.

А главное — там не было машины.

Импровизированный броневик, пахнущий свежей сваркой и сырой краской, стоял в глубокой выемке за старым полуразрушенным складом горючего. Логинов и Бурцев забросали его сверху кусками брезента и сосновым лапником так, что с воздуха или со стороны леса машина казалась обычной кучей строительного мусора.

Канонада внезапно оборвалась, оставив после себя густой, душливый дым, пахнущий серой и горелым деревом.

ИИ доложил, что огонь перенесен в глубину обороны, и зафиксировал визуальный контакт на дистанции четыреста метров. Пехота противника поднималась в атаку. Три средних танка и четыре бронетранспортера двигались походной колонной вдоль насыпи.

Алексей приподнял голову. Из леса, серой неровной цепью, вываливались немецкие солдаты. Они шли уверенно, пригнувшись, держа автоматы наготове. Коробочки немецких бронетранспортеров, поплеывая сизым дизельным дымом, катились следом. Немцы были уверены, что артиллерия превратила гарнизон станции в фарш.

Они пошли именно туда, куда им позволил Логинов — в сухой и чистый коридор между завалами из шпал.

Через голосовую цепочку бойцов Синицын на вершине башни хладнокровно отсчитывал дистанцию: триста метров, двести пятьдесят.

Пальцы пулеметчиков на гашетках наверняка вспотели, но вся станция молчала. Алексей лично вбил в каждого бойца это железное правило: не выдавать себя до команды.

Когда головной немецкий бронетранспортер поравнялся с первой стрелкой запасного пути, Алексей резко вскинул руку и нажал на спуск ракетницы.

Красный сигнал разорвал серое небо.

В ту же секунду Логинов, сидящий в глубокой норе под пакгаузом, крутанул ручку подрывной машинки. Земля под гусеницами и колесами немцев вспучилась тяжелым, черным взрывом. Фугас из переделанных артиллерийских снарядов сработал идеально. Головной бронетранспортер подбросило, оторвало передний мост и швырнуло боком прямо на железнодорожные пути, намертво заблокировав дорогу остальной технике.

— Огонь! — рявкнул Алексей.

Из окон пакгауза и скрытых ячеек мастерских ударили пулеметы. Перекрестные карманы огня, рассчитанные ИБИ, заработали как единый швейный станок. Немецкая пехота, оказавшись на открытом пространстве без укрытий, начала нести тяжелые потери и в панике бросилась назад к насыпи, пытаясь укрыться за броней уцелевших машин.

Но именно этого Алексей и ждал. Немцы сгрудились в кучу, подставив свой левый фланг. — Малахов, твой выход! — крикнул Алексей в раструб полевого телефона.

За складом горючего взревел раскаленный дизель. Кулак, сбросив с брони маскировочные ветки, тяжело выкатился из своего укрытия. Малахов вел машину жестко, на максимальных оборотах. Зеркальная схема обзора, собранная умельцами Федотова, позволяла ему видеть поле боя, не подставляя лоб под пули.

Броневик Волкова набрал скорость, выходя наперерез немецкой колонне со стороны фланга.

Один из немецких легких броневедомостей разведки попытался развернуться в грязи, чтобы подставить под удар лобовую броню. Не успел.

Кулак врезался в него на полном ходу. Тяжелый, грубый отбойник, сваренный из толстых рельсов, сработал как кузнечный молот. Раздался страшный, скрежещущий хруст сминаемого металла. Немецкую легкую машину просто переехало, смяло в гармошку и отбросило в кювет.

Сверху, из кустарной башенки Кулака, захлебываясь длинными очередями, открыл огонь крупнокалиберный пулемет. Бурцев бил в упор, расстреливая мечущуюся в панике немецкую пехоту и борта бронетранспортеров. Броня, наваренная под углами рикошета, которые высчитал ИИ, уверенно держала удары немецких автоматных пуль. Они со звоном отлетали в сторону, оставляя лишь серые отметины на темной стали.

Это был чистый, тактически безупречный фланговый удар. Стальной кулак Алексея Волкова опустил на голову противника с сокрушительной силой.

Глава 3. Охота на броню

Немецкие танкисты отреагировали быстро. Три средних танка перестроились прямо в дорожной грязи, обходя подорванный бронетранспортер. Их короткие башни начали синхронно доворачивать в сторону «Кулака».

— Внимание, — ИБИ мгновенно вывел на сетчатку Алексея тактическую сетку. — Зафиксирован разворот трех орудий калибра тридцать семь миллиметров. Толщина бортовой брони «Кулака» в районе моторного отсека не превышает двадцати миллиметров разнородной стали. Вероятность пробития при прямом попадании с данной дистанции — 92 процента. Рекомендация: немедленный уход с линии огня.

— Малахов, назад! — крикнул Алексей в телефонную трубку, срывая голос. — Уводи машину за пакгауз!

Водитель броневика среагировал на долю секунды раньше, чем первый немецкий снаряд свистнул над стальной коробкой «Кулака». Малахов рванул рычаги, переключая передачу. Дизель оглушительно взревел, выдав облако черной гари. Самодельная штурмовая машина тяжело качнулась, сдавая назад. Она скользнула за кирпичный угол здания в тот самый миг, когда земля на месте ее стоянки фонтанировала осколками и щебнем. Второй снаряд чиркнул по углу пакгауза, выбив облако красной кирпичной крошки.

Три немецких танка медленно, уверенно двигались вперед. Они шли уступом, прикрывая друг друга, и методично расстреливали любые подозрительные точки. Их пулеметы непрерывно прошивали кусты вдоль насыпи.

— Ермаков, Кравцов, слушать меня, — Алексей полз по глубокому кювету к позиции противотанковых пар. — К лобовой броне не цепляться. Там полста миллиметров цементированной стали, ваши ружья ее только поцарапают. Ждать команду. Будем ломать им темп движения.

ИБИ уже рассчитал траектории движения немецких машин, учитывая рельеф станции. Танки шли вдоль путей, забирая чуть левее, чтобы обойти кирпичный завал. Они неизбежно подставляли правые борта под углом в тридцать градусов к замаскированным позициям у ремонтных мастерских.

— Головной танк входит в зону эффективного поражения ходовой части, — сухой голос ИИ чеканил цифры в сознании Алексея. — Дистанция — сто сорок метров. Поправка на боковой ветер — ноль.

— Ермаков, по первому танку, — скомандовал Алексей, прижимаясь щекой к сырому брустверу. — Бей по ведущему катку. Под корень бей!

Широколицый сибиряк Ермаков, замерший в глубокой, обшитой досками ячейке, плавно потянул тяжелый спуск ПТРД. Оглушительный, хлесткий выстрел противотанкового ружья заставил заложить уши. Пороховые газы подняли с земли облако сухой пыли.

Через секунду головной немецкий танк резко дернулся. Тяжелая пуля калибра четырнадцать с половиной миллиметров с хрустом раздробила переднее ведущее колесо. Стальная гусеница с металлическим лязгом соскочила с катков, развернулась длинной серой лентой и увязла в грязи. Многотонную машину по инерции развернуло на одном месте, намертво заклинив между рельсами и деревянным штабелем шпал.

— Есть! — выдохнул Ермаков, торопливо выбрасывая стреляную гильзу.

— Не спать! Второй выстрел в погон башни! — рявкнул Алексей. — Кравцов, лови второго, он сейчас начнет сдавать назад!

Второй немецкий танк попытался сманеврировать в узком проходе, сдавая кормой в кювет, чтобы выйти из-под перекрестного обстрела. Но ИБИ уже подсветил Кравцову идеальную точку для удара — смотровую щель механика-водителя. Второй выстрел из ПТР пробил тридцатимиллиметровый борт в районе моторного отсека. Из радиаторных решеток немецкой машины тут же вырвался густой, белый столб пара, смешанный со вспышками сизого дыма. Танк заглох, беспомощно замер посреди дороги.

Третий танк, оценив ситуацию, прекратил движение и начал лихорадочно вращать башней, выискивая огневые точки советских бронейщиков. Его орудие ударило по позиции Ермакова, превратив бруствер в месиво из земли и щепок. Сибиряка отбросило на дно окопа, оглушило, но он остался жив.

— Малахов, теперь наш ход! — Алексей снова схватил трубку телефона. — Выходи из-за пакгауза, бей третьего в борт, пока он разворачивает пушку!

«Кулак» вылетел из-за укрытия на максимальной скорости. Малахов использовал весь запас мощности раскаленного двигателя. Бурцев в башенке поймал в прицел крупнокалиберного пулемета кормовую часть единственного уцелевшего танка противника. Тяжелые бронейбойные пули начали методично, с частотой швейной машинки, вколачиваться в тонкий затылочный лист немецкой бронемашинны.

Глава 4. Граница прочности

Оглушительный скрежет рвущегося металла перекрыл рев дизельного двигателя. Третий немецкий танк, несмотря на плотный поток крупнокалиберных пуль Бурцева, вколачивающихся в его кормовой лист, успел повернуть башню. Немецкий наводчик действовал вслепую, сквозь облака сизого дыма и брызги раскаленного масла, но его опыт сказался. Короткий ствол тридцатисемимиллиметрового орудия выплюнул короткую вспышку.

Снаряд прилетел точно в правую скулу «Кулака».

Алексей Волков, стоявший на коленях в кювете у пакгауза, физически ощутил этот удар. ИБИ мгновенно вывел на сетчатку его глаз критическую телеметрию штурмовой машины, вспыхнувшую багровыми маркерами.

— Зафиксировано сквозное пробитие носового экрана, — сухой, лишенный эмоций голос искусственного интеллекта прозвучал в сознании Алексея с пугающей четкостью. — Сна-

ряд прошел по касательной через правое лобовое колесо тягача и детонировал внутри моторного отсека. Поврежден блок цилиндров. Утечка охлаждающей жидкости. Вероятность полной остановки двигателя через сорок пять секунд — 89 процентов. Ефрейтор Малахов получил осколочные ранения нижних конечностей и травматический шок. Его пульс — сто шестьдесят пять ударов в минуту. Барометрическое давление внутри боевого отделения превысило норму. Бурцев контужен.

Машина тяжело, со скрежетом просела на правый борт. Из-под наваренных листов обшивки повалил густой, едкий дым, пахнувший паленой резиной и бензином. «Кулак» по инерции проехал еще несколько метров, волоча за собой оторванное рельсовое крыло, и замер посреди площади перед ремонтными мастерскими, уткнувшись носом в разбитый деревянный штабель.

Немецкий танк, окутанный черным шлейфом от горящего моторного отсека, медленно откатывался назад. Его гусеницы скрежетали по битому кирпичу. Башня продолжала лениво разворачиваться, наводя пушку для второго, теперь уже добивающего выстрела по замершему советскому броневнику.

— Командир, — ИБИ вывел трехмерную схему площади, подсветив траекторию немецкого орудия. — Время до перезарядки противника и наведения на цель — одиннадцать секунд. У противотанковых пар Ермакова и Кравцова закончились боеприпасы в обоймах ПТР. Время на перезарядку с учетом тремора рук — шестнадцать секунд. Экипаж «Кулака» недееспособен. Вероятность уничтожения машины вторым выстрелом — 100 процентов.

Алексей Волков не стал тратить время на мысленные ответы. Его сознание работало с частотой боевого процессора Аргоса.

— ИБИ, протокол «Перегрузка», — мысленно приказал он, уже поднимаясь на ноги. — Синтез адреналина и норадреналина — максимальный. Активировать нейромышечные синапсы левой ноги и правого плечевого пояса. Снять ограничения на разрыв мышечных волокон.

— Внимание, — отозвался ИИ. — Протокол «Перегрузка» вызовет множественные микроразрывы тканей и накопление молочной кислоты. Время безопасной работы организма — сорок секунд. После этого наступит фаза глубокого истощения.

— Выполнять!

Мир вокруг Алексея Волкова внезапно замер, потеряв звуки. Грохот боя превратился в низкое, вязкое шипение. Капли утреннего дождя, висевшие в воздухе, словно остановились. Каждый кусок битого кирпича, каждая щепка от взорванного ящика прорисовывались перед его глазами с абсолютной, звенящей четкостью.

Алексей рванулся вперед, выпрыгивая из глубокого кювета.

Его тело двигалось с грацией и скоростью, недоступной обычному человеку сорок первого года. За спиной, в брезентовой сумке, глухо звякнули три бутылки с горючей смесью, которые Маруся так тщательно снаряжала накануне вечером в складском сарае.

Из разбитого окна вокзала за этим рывком наблюдали внимательные, суженные глаза. Капитан Особого отдела Левашов стоял, вжавшись спиной в кирпичный простенок, и его ТТ был опущен. Особист видел, как лейтенант Волков, которого еще вчера Громов называл уставшим и измотанным, преодолел тридцать метров открытого пространства перед мастерскими за какие-то доли секунды. Это была не просто человеческая скорость. Это был прыжок дикого зверя, просчитанный до миллиметра.

— Слева! — запоздало крикнул кто-то из залегших пулеметчиков, но звук утонул в вязком воздухе.

Алексей Волков летел через площадь. Немецкие пехотинцы, сидевшие в кювете у насыпи, попытались вскинуть свои МР-40. Один из унтер-офицеров успел нажать на спуск. Вспышки на конце ствола автомата показались Алексею медленными, как светлячки. ИБИ

мгновенно скорректировал его шаг, заставив Волкова резко пригнать голову и уйти в короткий пережат влево. Очередь прошла мимо, лишь взбив фонтанчики грязи там, где его нога касалась земли мгновением ранее.

— Семь секунд до выстрела танка, — чеканил ИБИ. — Дистанция до цели — двадцать четыре метра. Скорость движения — восемь с половиной метров в секунду. Угол атаки — оптимальный.

Алексей поднялся с колена, не теряя инерции бега. На ходу его левая рука выхватила из сумки первую бутылку. Горловина была заткнута серой суконной тряпкой, пропитанной керосином. Правая рука чиркнула кустарной спичкой по коробку. Ткань вспыхнула ярким, коптящим пламенем.

Каждый шаг давался телу Алексея с дикой, жгучей болью. Мышцы бедер словно налились жидким свинцом, сухожилия трещали под страшной нагрузкой, которую ИБИ навязывал нервной системе. Но Волков игнорировал сигналы боли. На Аргосе его учили воевать в разрушенных скафандрах, когда легкие выплевывали кровь на внутреннюю поверхность шлема. Здесь, на этой примитивной Земле, правила выживания оставались теми же.

— Четыре секунды, — произнес ИИ. — Танк завершил перезарядку. Наводчик выравнивает орудие по центру корпуса «Кулака».

Алексей Волков замахнулся. Левая нога жестко уперлась в битый щебень железнодорожного полотна, правая рука пошла по идеальной дуге, которую ИБИ рассчитал с учетом веса бутылки, плотности воздуха и скорости ветра.

Стеклянный снаряд полетел к танку.

Первая бутылка ударилась точно в стык башни и верхнего лобового листа немецкой машины. Стекло со звоном разлетелось, и тяжелая, липкая масляная смесь мгновенно растеклась по броне, вспыхнув огромным факелом. Огненный язык тут же затянуло внутрь через смотровые приборы и щели воздухозаборников. Немецкий наводчик, ослепленный внезапной вспышкой, рефлекторно нажал на спуск орудия.

Выстрел прозвучал с опозданием на долю секунды. Снаряд прошел выше «Кулака», разнеся в щепки остатки водонапорной вышки за ремонтными мастерскими.

— Цель дезориентирована, — доложил ИБИ. — Двигатель танка продолжает работать. Вентиляционные шахты затягивают пламя внутрь боевого отделения. Вероятность детонации боекомплекта через двадцать секунд — 67 процентов. Требуется повторный удар для гарантированного уничтожения.

Алексей Волков уже стоял на насыпи, тяжело дыша. Его легкие горели от удушливого немецкого порохового дыма и копоти. Протокол «Перегрузка» заканчивал свое действие. Синие маркеры перед глазами начали мигать, предупреждая о скором отключении стимуляторов. Левая нога мелко дрожала, а в плече завязался тугий, болезненный узел из надорванных волокон.

Но у него оставалось еще две бутылки.

Он выхватил вторую, поджег ее от пламени, которое уже бушевало на бруствере, и точным, коротким броском швырнул ее прямо на корму немецкого танка, туда, где располагались жалюзи радиатора.

Второй взрыв полностью закрыл кормовую часть Pz.III. Плотный, черный дым повалил из моторного отсека немца. Дизель танка захлебнулся, чихнул и замолк. Через секунду люки на башне со звоном откинулись в стороны. Изнутри, кашляя и сбивая пламя с горящих комбинезонов, начали выскакивать немецкие танкисты. Они падали прямо в придорожную грязь, теряя оружие.

— Протокол «Перегрузка» отключен, — сухо произнес ИБИ. — Перехожу в режим экстренного восстановления тканей. Физические возможности снижены на 40 процентов. Уровень лактата в мышцах — критический.

Алексей Волков тяжело опустился на одно колено, упираясь ладонью в холодный, скользкий рельс. Его сердце колотилось в груди со скоростью отбойного молотка. Перед глазами на мгновение поплыли серые круги, но он пересилил слабость и поднял взгляд.

Немецкая пехота, увидев, что все три танка поддержки уничтожены или выведены из строя, начала ломать строй. Их уверенность сменилась паникой. Они не ожидали, что этот маленький, полуразрушенный узел обороны окажется настолько зубастым. Немецкие солдаты начали беспорядочно отходить назад, к опушке леса, оставляя в грязи своих раненых и бросая тяжелое снаряжение.

— Товарищ лейтенант! — со стороны мастерских к Волкову уже бежал старшина Громов. Его лицо было полностью черным от пороховой гари, а гимнастерка на правом плече была разорвана. — Живой, командир! Ну ты и дал... Я думал, все, хана нашей коробке!

Громов подхватил Алексея под руку, помогая подняться. Старшина смотрел на своего командира с дикой смесью восторга и легкого, неосознанного страха. Обычный человек не мог совершить такой рывок под перекрестным огнем пулеметов и остаться невредимым.

— Малахов... что с ним? — хрипло спросил Алексей, с трудом переставляя онемевшие ноги.

— Живой ефрейтор, — быстро доложил Громов, увлекая Волкова за кирпичную стену пакгауза. — Ноги ему осколками посекло, кровяки много, но Маруся уже там. Перевязывает. Бурцев в себя пришел, головой трясет, матерится на чем свет стоит, но за пулемет держится. Машину нашу, конечно, покалечило знатно. Движок заглох, Федотов ругается, говорит, половину трубок заново варить придется. Но главное — отбились, лейтенант! Отбились!

Алексей Волков кивнул, чувствуя, как сознание медленно возвращается в нормальный, земной ритм. Звуки боя снова стали громкими и резкими. Где-то у насыпи Логинов и его саперы уже добивали из винтовок тех немцев, кто замешкался в кювете.

— Рано радоваться, старшина, — Алексей вытер рукавом кровь с разбитой губы. — Это была только первая волна. Немцы поймут, что у нас тут не просто окруженцы сидят, и в следующий раз пришлют артиллерию посерьезнее. Нужно немедленно перегруппировать людей.

Он повернулся лицом к вокзалу и замер.

Из разбитого проема первого этажа на него в упор смотрел капитан Особого отдела Левашов. Особист не улыбался. Он медленно убирал свой ТТ в кобуру, и его взгляд был прикован к левой ноге Волкова, которая продолжала неестественно подергиваться от судорог после отключения стимуляторов ИБИ. Капитан зафиксировал все. И скорость лейтенанта, и его невероятную точность бросков, и то, как спокойно Волков координировал пулеметчиков в самый критический момент боя.

— Внимание, — ИБИ вывел предупреждающий маркер над фигурой особиста. — Зафиксировано повышение уровня враждебности со стороны объекта «Левашов». Вероятность углубленного тактического анализа ваших действий с его стороны — 94 процента. Он понимает, что ваши физические кондиции выходят за рамки биологических стандартов эпохи.

— Пусть думает что хочет, — мысленно ответил Алексей, выпрямляя спину и заставляя себя идти ровно, преодолевая сопротивление собственного тела. — Сначала нужно удержать эту станцию. Если немцы нас сомнут, его подозрения никому не понадобятся.

Бой за станцию Лесная временно затих, оставив после себя три горящие железные коробки немецких танков и густой, черный дым, поднимающийся к хмурому небу сорок первого года.

Глава 5. Крах дисциплины

Густой, черный дым от горящих немецких танков медленно полз над разбитыми путями, оседая на серых досках перрона жирной, липкой копотью. Воздух на станции Лесная стал тяжелым, удушливым. Он пах не просто сгоревшим порохом и соляркой, а тем специфическим,

металлическим привкусом близкой смерти, который Алексей Волков слишком хорошо помнил еще по абордажным операциям Империи Аргос.

После того как первая волна немецкого штурма покатила назад к лесу, наступило обманчивое, звенящее затишье. Слышны были только ленивые шлепки капель утреннего дождя по разорванной броне «Кулака» да глухой, прерывистый стон кого-то из раненых немецких пехотинцев, оставшихся в кювете у насыпи.

Алексей Волков сидел на перевернутом деревянном ящике из-под патронов в полутемном проходе пакгауза. Каждое дыхание отзывалось в его груди тупой, изматывающей болью. Мышцы левой ноги после отключения боевого протокола «Перегрузка» задеревенели, превратившись в тугие, болезненные узлы.

— Процесс регенерации мышечных волокон идет на минимальной мощности, — сухой голос ИБИ в его сознании казался сейчас особенно монотонным. — Дефицит питательных веществ в организме составляет 24 процента. Уровень лактата снижается со скоростью два процента в час. Рекомендую покой и теплое питье. Вероятность повторной атаки противника в течение ближайших трех часов — 78 процентов.

— Знаю, — мысленно ответил Алексей, не поднимая головы. — Не до питья сейчас.

В глубине пакгауза, за плотными рядами мешков с овсом и полупустыми ящиками, где укрывалась большая часть его сборной роты, послышался глухой, неровный гул голосов. Это был не тот здоровый, злой шум солдат после успешно отбитой атаки. Это был опасный, панический шепот, который на войне распространяется быстрее, чем осколки мины.

Алексей поднялся, опираясь рукой на кирпичную стену, и заставил свою ногу идти ровно. ИБИ тут же подавил болевой импульс, вколыв в нервные окончания остатки синтетического анальгетика.

Волков вышел вглубь помещения. У дальней стены, где тусклый свет из пробитой крыши падал на солому, сгруппировались около пятнадцати бойцов. В основном это были вчерашние новобранцы из последнего пополнения и двое контуженых артиллеристов, у которых тряслись руки. Посреди круга стоял рядовой Семин — бледный, худой парень с бегающими, полубезумными глазами. Он судорожно сжимал в руках мосинку и почти кричал, брызгая слюной.

— Да вы поймите, мужики! Нас тут как скот на убой оставили! — Семин оглядывался, ловя испуганные взгляды товарищей. — Я сам слышал, как полковник в избе говорил: «Люди, которых не жалко». Мы для них — просто пыль! Склады приказано взорвать, пути перебить, а нас — в землю уложить, чтоб немцев на час завалить! Ловушка это! Командир наш... да вы посмотрите на него! Разве охотники так бегают? Разве они танки руками жгут? Он не человек вообще, он заговоренный или засланный! Нас особист сдаст, а этот лейтенант нас под пушки погонит ради своего рапорта!

— Заткнись, Семин, — глухо проворчал один из старых солдат, но в его голосе уже не было прежней уверенности. Страх заражал подвал.

— А что «заткнись»?! — Семин сделал шаг назад, вскидывая винтовку. — Уходить надо, пока туман держится! К речке, через камыши! К своим прорываться, а не в этой мышеловкедохнуть! Кто со мной, мужики? Жить хотите или под немецкие гусеницы ляжете?!

Двое молодых бойцов несмело поднялись со своих мест, переглядываясь. Дисциплина, которую Алексей так тяжело выстраивал по часам, трещала по швам из-за банального животного ужаса перед превосходящим врагом.

— Стоять, — Алексей Волков вышел из тени мешков. Его голос прозвучал тихо, но в нем было столько ледяной, аргосской жесткости, что Семин осекся на полуслове и рефлекторно повел стволом винтовки в сторону лейтенанта.

В ту же секунду из-за кирпичного простенка пакгауза плавной, бесшумной походкой вышел капитан Особого отдела Левашов. Его шинель была по-прежнему застегнута на все

пуговицы, а лицо казалось застывшей маской из серого камня. За его спиной стояли двое бойцов комендантского взвода с автоматами ППД, взведенными на боевой взвод.

— Отставить панику, — чеканя каждое слово, произнес Левашов. Он проигнорировал Семина и посмотрел прямо на Алексея Волкова. — Рядовой Семин прав в одном, товарищ лейтенант. Люди имеют право знать, кто ими командует. И имеют право знать истинные приказы командования.

Особист сделал три шага вперед, выходя в центр круга. Бойцы замерли, вжав головы в плечи. Появление НКВД в моменты кризиса всегда действовало на окруженцев отрезвляюще, но сейчас Левашов играл в свою, более глубокую игру.

— Слушайте меня, бойцы, — Левашов повернулся к притихшим солдатам, и его голос разнесся по кирпичным сводам пакгауза. — Станция Лесная действительно является ключевым узлом. И приказ полковника Серебрякова однозначен: удержать узел любой ценой. Но закон военной поры суров ко всем, кто сеет панику в тылу. Рядовой Семин сейчас занимался прямым подстрекательством к дезертирству и бунту под огнем врага. За это полагается расстрел на месте.

Семин побелел еще сильнее, его руки затряслись так, что ствол винтовки начал ходить ходуном.

— Но у меня, как у представителя Особого отдела, есть вопросы и к вашему командиру, — Левашов снова резко повернулся к Волкову, и его узкие глаза впились в лицо лейтенанта. — Граждане бойцы! Перед вами лейтенант Алексей Волков. По документам — охотник из промыслового колхоза Верхние Медведи. Четыре класса образования. Вот только в делах Западного фронта есть интересная запись. Две недели назад этот человек был разжалован трибуналом за дезертирство и утерю документов. Он пришел сюда из штрафного лагеря. Это раз.

Среди бойцов прошел тяжелый, удивленный вздох. Кравцов, сидевший чуть в стороне, нахмурился, но промолчал.

— И это два, — Левашов сделал шаг к Волкову, указывая пальцем на его левую ногу. — Ни один охотник в Сибири не обучается тактическим приемам ведения боя против танковых подразделений вермахта. Ни один человек после трех недель в тайге не способен двигаться со скоростью пули и швырять бутылки с горючей смесью на тридцать метров с точностью до сантиметра под перекрестным огнем. Вы слишком много знаете, лейтенант Волков. Вы слишком удачно появились в сорок первом. И вы слишком профессионально управляете этой штурмовой группой. Я официально заявляю перед строем: ваша биография — фальшивка от первого до последнего слова. Кто вы такой, Волков? На кого вы работаете?

Пауза, повисшая в пакгаузе, стала удушающей. Слышно было, как где-то под крышей шуршит потревоженная взрывом крыса. Бойцы смотрели на Алексея. В их глазах смешались страх, недоумение и та самая лагерная настороженность, которую Волков уже ломал в Озерном. Если командир — немецкий засланец с идеальной легендой, то вся их оборона — это действительно изощренная ловушка.

— Анализ психологического состояния личного состава завершен, — ИБИ мгновенно вывел на сетчатку Волкова графики доверия. — Уровень лояльности упал на 42 процента. Вероятность стихийного бунта или потери управления — 68 процентов. Объект «Левашов» использует реальные факты для вашей дискредитации. Требуется немедленный вербальный контрудар. Любое физическое действие против особиста приведет к немедленному расстрелу группы комендантами.

Алексей Волков медленно выдохнул. Его лицо оставалось абсолютно спокойным. Он не сделал ни одного движения к оружию. Вместо этого он посмотрел прямо в глаза Левашову — спокойно, тяжело, взглядом человека, который видел гибель целых звездных флотов, а не просто приграничные стычки.

— Вы закончили, товарищ капитан? — тихо спросил Алексей.

— Жду ответа, Волков. Или как вас там зовут на самом деле, — Левашов не отвел взгляда, его рука по-прежнему лежала на кобуре.

Алексей повернулся к бойцам. Он проигнорировал особиста и заговорил, обращаясь напрямую к Кравцову, Ермакову, Семину и остальным парням, замершим в соломе.

— Моя биография вас волнует, бойцы? — Волков сделал шаг вперед, и его онемевшая нога стукнула по доскам твердо и уверенно — ИБИ выдал последний резерв мощности на суставы. — Капитан прав. Я был в штрафбате. Из лагеря Озерный меня полковник Серебряков забрал не от хорошей жизни. Потому что у него уставы не работали, а немцы шли к переправе. Мои документы сгорели в том эшелоне, который разбомбили под Брянском. И трибунал судил меня по закону военного времени. За то, что я людей вывел через леса, а не сдох вместе с разбитым штабом полка.

Он остановился прямо перед рядовым Семиным. Парень задрожал, но ствол винтовки опустил.

— Ты спросил, Семин, почему я так бегаю? — Алексей забрал у него винтовку из рук одним коротким, плавным движением, которое парень даже не успел заметить. — Потому что если бы я так не бегал тридцать минут назад, этот немецкий танк сейчас стоял бы на твоей голове. И твои кишки наматывало бы на его гусеницы прямо здесь, на этих мешках с овсом. Я бегаю так, потому что жить хочу. И хочу, чтобы вы жили. В тайге, Семин, если ты за секунду из кустов не ушел — тебя медведь задерет. А немецкий танк — это зверь пострашнее.

Волков повернулся к Левашову. Его голос зазвучал громче, раскатываясь под кирпичными сводами.

— Моя легенда вам не нравится, капитан? Да мне плевать на вашу анкету. Пока этот участок держит моя штурмовая группа, я здесь командир. Вы можете копаться в моем прошлом сколько угодно. Можете расстрелять меня после боя, если выживете. Но сейчас там, за лесом, немцы заправляют свои машины соляркой и снаряжают новые ленты. Они придут через час. И им будет абсолютно все равно, четыре класса у меня образования или академия Генштаба. Они придут убивать вас. Всех. И тех, кто из штрафбата, и тех, кто из НКВД.

Из дальнего угла пакгауза поднялась тяжелая, широкоплечая фигура. Старшина Громов, придерживая разорванное плечо, подошел к Волкову и встал рядом с ним, повернувшись лицом к особисту и его комендантам.

— Слышь, гражданин капитан, — хмуро пробасил Громов, и его кулак размером с хорошую буханку хлеба тяжело опустился на затвор винтовки. — Лейтенант Волков со мной у костра сидел, когда от нашей роты тридцать человек осталось. Он пулеметы ставил так, что мы этот чертов рубеж день держали против тридцати танков. Я его в деле видел. Он немецкую броню жжет, пока другие в вокзале папиросы курят. Если он засланный — то пускай все засланные так немцев бьют. Мои ребята за ним пойдут. А кто дернется к речке — я лично пристрелю за трусость. Без всякого трибунала.

Кравцов поднялся следом, молча передернув затвор своей трехлинейки. За ним встал Ермаков. Через тридцать секунд все пятнадцать бойцов, которые только что слушали панические речи Семина, стояли плотной, хмурой стеной за спиной Алексея Волкова. Они снова были частью единого механизма. Стальной кулак сжался обратно.

Капитан Особого отдела Левашов медленно перевел взгляд с Громова на бойцов, а затем снова посмотрел на Волкова. В его глазах не было страха. Там было глубокое, холодное понимание того, что власть на этой конкретной станции сейчас принадлежит не силе мандата, а силе авторитета человека, который только что сжег танк.

— Хорошо, лейтенант Волков, — Левашов чуть заметно кивнул, и его губы сжались в тонкую линию. — Вы правы. Сейчас не время для анкет. Сначала — немцы. Но помните: бой закончится. И эта станция либо будет удержана, либо взорвана. Я буду следить за каждым вашим шагом. Коменданты, назад. На позиции.

Особист развернулся и вместе со своим сопровождением быстрыми шагами вышел из пакгауза, растворившись в утреннем тумане.

— Уровень лояльности группы восстановлен до 92 процентов, — ИБИ выдал зеленую шкалу на сетчатке Алексея. — Психологический кризис миновал. Однако объект «Левашов» перешел в фазу скрытого наблюдения. Его действия станут более опасными после завершения боестолкновения. Фиксирую новые звуковые колебания со стороны леса. Дистанция — пять километров. Время пошло.

Алексей Волков вернул винтовку Семину. Тот взял ее, низко опустив голову, не смея смотреть командиру в глаза.

— По местам, бойцы, — спокойно скомандовал Алексей. — Логинов, проверь остатки фугасов. Федотов — что там с Кулаком? Нам нужна машина. Немцы возвращаются.

Глава 6. Снайперский промысел

Дождь усилился, превратившись в плотную, серую изморось, которая окончательно прибила к земле копоть от сгоревших немецких машин. Туман над путями стал вязким, почти осязаемым. Станция Лесная замерла в ожидании, окутанная этим сырым саваном, сквозь который едва угадывались очертания водонапорной башни и пакгауза.

Алексей Волков стоял у окна ремонтных мастерских, наблюдая, как мастер Федотов и Бурцев лихорадочно копаются в развороченном моторном отсеке «Кулака». Машина была жива, но изрубленный осколками радиатор требовал времени, которого у гарнизона почти не осталось.

— Командир, — ИБИ нарушил тактическое затишье в его голове, выведя на сетчатку яркую вспышку в районе дальней опушки леса. — Фиксирую акустический импульс высокой частоты. Дистанция — шестьсот сорок метров. Скорость пули — восемьсот двадцать метров в секунду. Это не стандартный карабин Маузера. Калибр семьдевяносто два, тяжелая пуля снайперского типа.

Звук выстрела докатился до мастерских со стороны путей спустя секунду — сухой, короткий щелчок, похожий на треск сломанной ветки. Почти одновременно на вершине водонапорной башни раздался звенящий удар металла о металл, а затем — глухой человеческий крик.

— Синицын! — крикнул Кравцов, дежуривший у телефонного аппарата на полу мастерской. — Башня, ответьте! Синицын!

Трубка полевого телефона хрипела и плевалась искрами. Через секунду из нее прорвался прерывистый, хриплый голос молодого бойца-наблюдателя:

— Товарищ лейтенант... Синицына сняли! Прямо в амбразуру прилетело... Живой он, но голову осколками кирпича посеколо, глаза кровью заливают, ничего не видит! По башне бьют, подняться не дают! Только голову кажешь — сразу пуля в щиток! Кажись, несколько их там, в кустах у семафора сели!

— Отставить панику, — Алексей Волков перехватил трубку у Кравцова. — Наблюдателю лечь на пол. С башни не высовываться. Ждать.

Он положил трубку на рычаг и медленно повернулся к углу мастерской, где на брезенте лежала его старая трехлинейка — та самая мосинка образца девяносто первого года, которую ему перед уходом на фронт передал старый охотник Кузьмич. Алексей взял винтовку, привычно ощутив холодную гладкость деревянной ложи. Родного оптического прицела на ней не было, обычная открытая планка, потертая на углах до белого металла.

— ИБИ, анализ сектора, — мысленно приказал Алексей, передергивая затвор. Тяжелый патрон с тихим щелчком дослался в патронник.

— Выполняю, — отозвался искусственный интеллект, и перед глазами Волкова развернулась панорама железнодорожных путей, окрашенная в спектральные сине-зеленые тона. — Обнаружено два источника теплового излучения в районе разрушенного стрелочного поста у

семафора. Дистанция — шестьсот сорок два метра. Позиции замаскированы маскировочными сетями и ветками кустарника. Используются винтовки Mauser 98k с четырехкратным оптическим прицелом ZF-39. Корректировка огня ведется с помощью бинокля. Вероятность уничтожения наблюдателей на башне при следующей попытке обзора — 98 процентов. Они работают как передовой дозор и корректировщики для немецких минометов.

За спиной Алексея послышался тихий шорох шагов. Из темноты коридора, как всегда незаметно и плавно, выдвинулся капитан Особого отдела Левашов. В руках особист держал бинокль. Его лицо, осунувшееся от бессонных ночей, выражало ту самую холодную, аналитическую настроенность, которая не покидала его с момента окончания танкового боя.

— Что там, Волков? — негромко спросил Левашов, вставая чуть позади лейтенанта, чтобы не подставляться под линию возможного обстрела из окон. — Немецкие кукушки?

— Снайперы, — спокойно ответил Алексей, проверяя пальцем натяжение мушки. — Двое. Закрыли нам обзор с башни. Если Синицын не сможет координировать пулеметы, немцы подойдут к пакгаузу вплотную под прикрытием насыпи.

Особист поднес бинокль к глазам, вглядываясь сквозь серую пелену дождя в сторону дальнего семафора.

— Дистанция огромная, больше полукилометра. В такой туман и с оптикой ничего не разглядишь, а у тебя, лейтенант, обычная пехотная трехлинейка. Что делать думаешь? Ждать, пока наши противотанковые ружья по кустам бить начнут? Так они позицию демаскируют, немецкая артиллерия нас тут же с землей сравняет.

Алексей Волков посмотрел на Левашова. В сером свете окна глаза лейтенанта казались абсолютно прозрачными, лишенными каких-либо человеческих эмоций.

— В тайге, товарищ капитан, белку бьют в глаз на слух, когда она за кедровой шишкой прячется. Главное — выверить дыхание и знать, куда зверь пойдет. Пошли со мной. Будете корректировщиком, раз бинокль в руках держите. Посмотрим, как Особый отдел снайперский промысел понимает.

Левашов едва заметно сузил глаза, но ничего не ответил, лишь молча двинулся вслед за Волковым, который быстрыми перебежками направился к выходу из мастерских, ведущему к полуразрушенной погрузочной платформе.

Позицию Алексей выбрал под днищем перевернутого четырехосного вагона, стоявшего на тупиковом пути. Здесь, среди ржавых колесных пар и тяжелых стальных балок, они были полностью защищены от случайных осколков, а обзор на дальний семафор открывался идеальным. Земля под вагоном была мокрой, перемешанной со шлаком и мазутом, но Волков лег прямо в грязь, не обращая внимания на холод. Левашов устроился рядом, плотно прижавшись плечом к стальному колесу и поднимая бинокль.

— ИБИ, баллистический профиль, — мысленно скомандовал Алексей, укладывая ствол мосинки на обломок деревянной шпалы.

— Принято, — ответил ИИ. Перед глазами лейтенанта появилась тонкая, светящаяся фиолетовая линия, соединившая мушку его винтовки с едва заметным серым бугорком у основания дальнего семафора. — Дистанция — шестьсот сорок три метра. Влажность воздуха — 94 процента. Плотность атмосферы повышена из-за осадков. Направление ветра — справа налево, полтора метра в секунду. Поправка по вертикали — две с половиной фигуры. Поправка на деривацию — ноль целых четырнадцать сотых миллиметра. Снайпер противника совершает микродвижения головой, частота дыхания — шестнадцать циклов в минуту.

Мир вокруг Алексея снова начал терять лишние звуки. Шум дождя превратился в едва слышное шуршание. Он чувствовал, как под его пальцами металл спускового крючка стано-

вится частью его собственной нервной системы. Его сердце, ведомое командами ИБИ, сделало глубокий, редкий удар и замерло в фазе выдоха.

— Первый номер противника припал к прицелу, — тихо, сквозь зубы проговорил Левашов, не опуская бинокля. — Вижу отблеск стекла... чуть левее бетонного основания стрелки. Будешь бить, Волков? Без оптики это пустой перевод патронов, только себя выдашь.

— Тихо, капитан, — обронил Алексей. — Зверя спугнете.

Он не стал поднимать прицельную планку винтовки на деление «б». ИБИ уже скорректировал положение его рук с точностью до микрона, компенсируя кустарность земного оружия. Мушка мосинки смотрела значительно выше и правее реального расположения немецкого снайпера — туда, где пуля, описав сложную крутую дугу в сыром воздухе, должна была встретиться с головой врага.

Алексей плавно, подушечкой указательного пальца, выбрал свободный ход спуска.

Выстрел трехлинейки под днищем вагона прозвучал оглушительно, хлестко, выбив короткую ствол вспышку пламени, которая тут же погасла в сыром тумане. Тяжелая пуля со стальным сердечником ушла в серую пелену.

Левашов вздрогнул от неожиданности, его пальцы сильнее сжали корпус бинокля. Прошла секунда, показавшаяся особисту вечностью.

На дистанции шестисот сорока метров серый бугорок у основания семафора внезапно дернулся. Маскировочная сеть, скрывавшая немецкого снайпера, взметнулась вверх, обнажив темную фигуру в камуфляжной блузе. Немец неестественно выпрямился, опрокинулся навзничь и покотился по каменистой насыпи вниз, в глубокую дренажную канаву. Его винтовка с оптическим прицелом осталась лежать на шпалах.

— Попадание, — выдохнул Левашов, и в его голосе впервые прорвалось искреннее, нескрываемое изумление. — Точно в голову... Господи, Волков, да как ты это сделал? На таком расстоянии, без прицела, в тумане...

— Я же говорил — промысел, — хладнокровно ответил Алексей, быстрым движением руки передергивая затвор. Стреляная гильза со звоном отлетела от стального колеса вагона, и новый патрон сменил ее в стволе. — Второй остался. Корректировщик. Он сейчас побежит или начнет вызывать минометы по рации.

— Внимание, — ИБИ мгновенно перестроил траекторную сетку. — Второй номер противника пытается уйти ползком за бетонный короб кабельного канала. Дистанция увеличивается — шестьсот пятьдесят один метр. Время до его полного ухода в непростреливаемую зону — четыре секунды. Рекомендую выстрел с упреждением на уход тела.

Второй немецкий солдат, бросив тяжелый бинокль, действительно лихорадочно перекатывался по щебню, стремясь спрятаться за длинную серую коробку связи, тянувшуюся вдоль путей. Его движения были паническими, быстрыми.

Алексей Волков не стал ждать. Его тело работало в идеальном баллистическом синхроне с искусственным интеллектом. Ствол мосинки чуть сместился левее, отслеживая вектор движения немецкого корректировщика.

Второй выстрел разорвал тишину станции Лесная ровно через три секунды после первого.

Пуля настигла немца в тот момент, когда он уже заносил ногу, чтобы спрыгнуть за бетонный короб. Снаряд калибра семьдесят два пробил правое плечо и ушел вглубь грудной клетки, оборвав движение противника на полуслове. Корректировщик тяжело ткнулся лицом в мокрую траву у путей и замер, вытянув руки.

Капитан Левашов медленно опустил бинокль. Его лицо стало бледным, а взгляд, устремленный на лежащего рядом лейтенанта, стал еще более тяжелым и сложным. Особист видел много хороших стрелков, видел выпускников снайперских школ ОСОАВИАХИМа, но то, что только что продемонстрировал этот человек с кустарной сибирской винтовкой, не поддавалось

никакой земной логике. Два выстрела — два трупа на дистанции, граничащей с техническими возможностями оружия. Без единой пристрелочной пули. Без малейших сомнений.

— Ну и ну, лейтенант Волков, — тихо произнес Левашов, и в его голосе послышались опасные, металлические нотки. — Настоящий самородок из Верхних Медведей. Знаешь, я ведь после войны обязательно съезжу в этот твой колхоз. Очень уж мне хочется посмотреть на того председателя, который тебе такую характеристику подписал. И на тех медведей, от которых ты так стрелять научился.

Алексей медленно поднялся с земли, отряхивая мокрую грязь с рукавов гимнастерки. Он закинул винтовку за спину и посмотрел на особиста сверху вниз, сохраняя все то же ледяное спокойствие.

— Съездите, товарищ капитан, — спокойно ответил он. — Места там красивые. Тайга глубокая, чистая. Только смотрите, чтоб вас там местный гнус не заел, он к городским непривычный. А сейчас — пошли в штаб. Раз корректировщиков мы сняли, у нас есть еще минут двадцать, пока немцы не сообразят, почему их минометы молчат. Надо переставить пулемет Громова, пока туман совсем не сошел.

Они пошли обратно вдоль перрона, два человека, скованные одной войной и смертельным, невидимым противостоянием, где каждый неверный шаг означал трибунал или пулю. А впереди, за серой стеной леса, уже снова нарастал тяжелый, плотный гул приближающихся немецких батальонов.

Глава 7. Черный занавес

Свинцовое небо над станцией Лесная словно опустилось еще ниже, придавив верхушки сосен тяжелым, сырым туманом. Немецкие минометы, лишившись снайперов-корректировщиков, на несколько минут замолчали, но это затишье было лишь предвестником настоящей бури. Гул тяжелых дизелей за лесом стал плотным, вибрирующим, от него мелко дрожали стекла в уцелевших рамах ремонтных мастерских.

Алексей Волков быстрым шагом вернулся в депо. Его левая нога, благодаря точечной стимуляции ИБИ, полностью восстановила подвижность, но внутренний тактический процессор уже выдавал тревожные предупреждения красным цветом.

— Фиксирую развертывание батареи тяжелых гаубиц калибра сто пятьдесят миллиметров на той стороне реки, — монотонный голос ИИ в сознании Алексея звучал ровно. — Дистанция — три тысячи двести метров. Время до первого залпа — четыре минуты. Вероятность полного разрушения кирпичных зданий вокзала и пакгауза при поквadratном обстреле — 95 процентов. Ложные позиции больше не эффективны. Противник начнет сплошное выжигание сектора.

— Федотов, что с машиной? — Алексей остановился у открытого капота «Кулака». Мастер Федотов, с черным от мазута лицом и окровавленными пальцами, лихорадочно затягивал гайки на самодельном радиаторе.

— Запустил, лейтенант, запустил! — хрипло выдохнул старик, вытирая лоб рукавом. — Но три трубки пришлось заглушить к чертям. Движок на трех цилиндрах работает, чихает, дури в нем вполовину меньше стало. Тягач поехать — поедет, но если на насыпь крутую полезешь — заглухнет намертво. Борта держит, пулемет Бурцева на месте, ленты уложили.

Из темноты пакгауза вынырнул рыжий сапер Логинов, волоча за собой тяжелую железную канистру из-под немецкого бензина. Его глаза азартно блеснули сквозь слой копоти.

— Товарищ лейтенант, на четвертом пути три цистерны стоят, — быстро заговорил Логинов, переводя дыхание. — Эшелон не дошел до фронта, там мазут густой, бакинский. Немцы его не зацепили снарядами. Если мы туда по паре подрывных шашек положим, да запалы от гранат пристроим — рванет так, что до неба достанет.

Алексей Волков замер на секунду. В его голове ИБИ мгновенно выстроил трехмерную модель станции, учитывая направление ветра и плотность воздушных масс. Синяя сетка легла на железнодорожные пути, просчитывая движение тепловых потоков.

— Логинов, отставить подрывные шашки, — резко скомандовал Алексей. — Если цистерны разлетятся, мазут просто выгорит факелом за пять минут. Нам нужен не огонь. Нам нужен дым. Такой дым, чтоб немецкие артиллеристы на той стороне реки три часа собственные пальцы разглядеть не могли. Умеешь сделать так, чтоб мазут не горел, а задышался?

Логинов на секунду задумался, почесывая рыжий затылок, а потом широко улыбнулся:

— Сделаем, командир! Мы горловины тряпками сырыми забьем, да досок гнилых внутрь накидаем, чтоб тяги не было. Вода из луж пойдет, пар с мазутом смешается — такой деготь повалит, чернее ночи!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.